

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 13.

1863 г.

Іюля 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: I) О Богодуховности Новаго Завѣта. II) Патріотическое движеніе въ Ухтымскомъ приходѣ. III) Письмо А. Гетэ. IV) Библиографическое извѣстіе.

I) О БОГОДУХОВНОСТИ НОВАГО ЗАВѢТА.

Нужно ли было Божественное откровеніе въ раю? Нужно. Нужно ли было въ раю Священное Писаніе? Нѣтъ. Невинная душа перваго человѣка, его чистое, воспріимчивое чувство способно было вмѣщать въ себѣ самомъ глаголы Господни и хранить оныя во всей цѣлости чрезъ непрерывный рядъ вѣковъ. Но человѣкъ не долго сохранялъ чистоту своего сердца. Грѣхъ скоро успѣлъ затмить въ немъ истины Божественнаго откровенія. Образовалось у человѣка сердце каменное, неспособное быть хартією, на которой начертывались бы глаголы живота вѣчнаго. Отсюда необходимо было сообщить человѣку Божественныя

истины другимъ, болѣе внѣшнимъ способомъ; необходимо было отыскать другія хартіи и храненію ихъ, при посредствѣ мертвой буквы, ввѣрить письмену жизни. Вслѣдствіе такого порядка вещей сообщено было людямъ внѣшнее откровеніе, извѣстное въ первоначальномъ своемъ составѣ подъ именемъ Ветхаго Завѣта. Со времени явленія на землю Богочеловѣка—съ того дня, въ который, по пророческому слову Іереміи (XXXIII, 31.), дано человѣку снова плотяное сердце, вмѣсто каменнаго, и данъ новый законъ, написанный въ сердцѣ и въ мысляхъ людей,—съ того дня внѣшнее откровеніе оказывается, по видимому, не нужнымъ. Но надобно замѣтить, что съ пришествіемъ на землю Сына Божія дана только возможность всѣмъ и каждому единиться съ Богомъ чрезъ Христа и быть способнымъ воспринимать непосредственно отъ Бога евангельскую истину. По этому слова Пророка ни мало не отвергають необходимости внѣшняго откровенія въ періодъ христіанскій, а указываютъ только на относительное совершенство человѣка—христіанина, который, при содѣйствіи благодати Божіей и по мѣрѣ нравственной приємлемости, дѣлается способнымъ подъ оболочкою буквы видѣть самый духъ закона и слагать въ своемъ сердцѣ глаголы живота вѣчнаго. Само собою разумѣется, что, при высшей степени нравственнаго развитія, новозавѣтный человѣкъ имѣлъ нужду въ болѣе полномъ раскрытіи истины, чѣмъ какое находится въ ветхозавѣтномъ откровеніи.

Такимъ образомъ необходимо было сообщить и дѣйствительно сообщено человѣку новое откровеніе въ дополненіе къ древнему, — откровеніе, извѣстное подъ именемъ Новаго Завѣта.

Такъ какъ внѣшнее откровеніе, сообразно нуждамъ людей, замѣнило собою откровеніе первоначальное — внутреннее, которымъ пользовался Адамъ до своего паденія, и какъ послѣднее было сообщаемо самимъ Богомъ; то нѣтъ сомнѣнія, что и внѣшнее откровеніе получило начало также отъ Бога, или точнѣе отъ Духа Божія. Итакъ на основаніи сказаннаго, мы можемъ уже по аналогіи заключать о богодухновенности Священнаго Писанія. Но, оставляя въ сторонѣ книги Ветхаго Завѣта, мы намѣрены остановиться здѣсь на новозавѣтномъ откровеніи и объяснить тѣ основанія, по которымъ признаемъ книги новозавѣтныя богодухновенными, и слѣдовательно не погрѣшительными и безусловно обязательными для насъ. Нѣтъ нужды говорить о важности этого предмета. По нашему мнѣнію, каждый мыслящій христіанинъ долженъ понимать, что убѣжденіе въ богодухновенности Новаго Завѣта есть первое основаніе нашего послушанія, нашего благоговѣнія къ его глаголамъ.

По духу и содержанию своему книги Новаго Завѣта удовлетворяютъ духовнымъ потребностямъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Цѣлыя тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ, какъ міръ получилъ этотъ драгоцѣнный даръ, цѣлыя тысячелѣтія чер-

паеть онъ его сокровища, и они нисколько не умаляются. Будемъ говорить точнѣе. Слишкомъ 18 столѣтій прошло съ того времени, какъ написаны новозавѣтныя книги. Въ продолженіе этого времени много перебывало людей, которые всю свою жизнь посвящали на изученіе и разъясненіе истинъ, въ немъ содержащихся; и однако мы не можемъ сказать, чтобы и современный міръ, владѣющій трудами многихъ вѣковъ, и самъ неутомимо трудящійся надъ изъясненіемъ Свящ. Писанія, постигъ всю глубину его. Мы имѣемъ множество самыхъ разностороннихъ толкованій, но не можемъ похвалиться тѣмъ, что имѣемъ полное истолкованіе Свящ. Писанія. Чѣмъ болѣе углубляешься въ него, тѣмъ болѣе открываешь въ немъ новыхъ сторонъ. Былъ человекъ, который всю свою жизнь, такъ сказать, почивалъ на Священномъ Писаніи, который оставилъ намъ толкованія почти на всѣ его книги; и этотъ человекъ, — мы разумѣемъ Св. Златоуста, — говорилъ, что Священное Писаніе высоко, какъ небо, и глубоко, какъ море, ^{а)} что въ каждомъ словѣ Писанія заключается цѣлое море мыслей. Здѣсь-то, въ этомъ обилии мыслей, въ этой неисчерпаемой глубинѣ содержанія, и заключается причина того, почему книги Свящ. Писанія никогда въ умахъ людей не будутъ казаться устарѣлыми, — умъ нашъ всегда можетъ находить въ нихъ пищу для своей любознательности. Этимъ мы хотимъ выразить ту

а) Дѣян. бес. 55.

мысль, что книги Свящ. Писанія выше въ этомъ случаѣ общаго закона, которому подчинены всѣ произведенія человѣческаго ума. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите, какое угодно; произведеніе классической древности; въ немъ вы найдете очень мало пищи для своего ума; оно устарѣло для вашей мысли, для вашего взгляда на предметы, т. е. всѣ истины, въ немъ заключающіяся, вамъ уже давно и очень хорошо извѣстны. Такимъ образомъ то, чему удивлялись нѣкогда люди, передъ чѣмъ благоговѣли народы древности, — въ глазахъ вашихъ является вещію самою обыкновенною, не имѣющею по отношенію къ вамъ ничего особеннаго. Правда, и мы удивляемся высокимъ произведеніямъ древняго міра, но удивляемся не потому, чтобы находили въ нихъ обильную пищу для своего ума, а потому, что въ сочинителяхъ этихъ произведеній мы видимъ передовыхъ людей, которые далеко превъышали своихъ современниковъ силою своихъ талантовъ. Той же участи должны подвергнуться и всѣ произведенія умовъ новѣйшихъ. Пройдутъ сотни лѣтъ, — и геніальныя произведенія современнаго намъ міра потеряютъ мало по малу свое значеніе; люди не будутъ находить въ нихъ пищи для своего ума и будутъ хранить оныя только, какъ памятники литературы извѣстнаго времени. Да не видимъ ли мы и въ настоящее время, какъ, напримѣръ, германскія философскія системы, встрѣчаемыя съ такимъ торжествомъ въ европейскомъ мірѣ, очень скоро призна-

ются ложными и падаютъ? Такимъ образомъ мы въ правѣ сказать, что всѣ произведенія человѣческаго ума имѣютъ значеніе относительное, современное. Они рождаются, приходятъ въ силу и потомъ дѣлаются устарѣлыми въ сознаніи народовъ и даже совершенно умираютъ... Книги же Священнаго Писанія, не подлежатъ этому закону литературной жизни. Онѣ всегда современны для человѣческаго ума, если только этотъ умъ не уклонился на путь ложнаго развитія.—Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что священныя книги составляютъ произведеніе ума Божественнаго, ума вѣчнаго, потому что ограниченный по времени умъ не въ силахъ произвести что либо вѣчное.

Если посмотримъ на книги Новаго Завѣта съ практической стороны, т. е. опредѣлимъ значеніе нравственныхъ началъ ихъ въ приложеніи къ народамъ различныхъ временъ и происхожденія, то и отсюда придемъ къ тому же самому заключенію. Исторія—несомнѣнный свидѣтель того, что нравственныя и законодательныя системы, гораздо болѣе, чѣмъ системы философскія—созерцательныя—имѣютъ значеніе только временное. Начала, на которыхъ строится извѣстная практическая система, всегда приспособляются къ степени развитости того или другаго времени и имѣютъ въ виду его духовныя потребности. Само собою разумѣется, что, какъ скоро, — съ теченіемъ времени, — жизнь народа подвигается впередъ, — измѣняются

и самыя потребности народа, и прежнія системы нравственности по необходимости утрачиваютъ прежнее свое значеніе въ народной жизни. Истина эта такъ общепонятна, что мы не считаемъ нужнымъ, въ поясненіе оной, обращаться къ примѣрамъ. Но та же исторія свидѣтельствуетъ, что книги Свящ. Писанія никогда не могутъ сдѣлаться устарѣлыми по своимъ нравственнымъ началамъ. Высокая нравственная идея, на которой основываются и изъ которой вытекаютъ всѣ евангельскія правила,—идея любви и добродѣтели никогда не утратитъ своего значенія въ людяхъ. Мы утверждаемъ это въ той увѣренности, что люди, какъ ни сильно грѣхъ проявляетъ надъ нами свое господство, никогда не дойдутъ до той степени нравственнаго паденія, чтобы потерять въ себѣ всякую любовь къ добру, потому что эта любовь кроется въ самой глубинѣ нашей души; мы дѣлаемъ зло, но дѣлаемъ оное, какъ добро. Съ другой стороны, давно сказано и доказано, что христіанство есть первый двигатель народной жизни къ усовершенствованію не только нравственному, но умственному и общественному. Но если бы нравственные начала Евангелія были чужды вѣчнаго божественнаго элемента, то какимъ образомъ могли бы они, при этомъ прогрессѣ исторической жизни человѣчества, оставаться всегда живыми и дѣйственными? Между тѣмъ живы и дѣйственны были они и для первыхъ по времени христіанскихъ обществъ, которыя замѣтно пере-

рождались подь благотворнымъ вліяніемъ началъ евангельской нравственности и упрочивали имъ свое счастье; пригодными и благодѣтельными явились они и для нашихъ предковъ X и XI вѣковъ, которые находили въ нихъ опору для развитія своей жизни. Наконецъ онѣ даютъ полную возможность устроить свое благополучіе и современнымъ намъ обществамъ. Кто не знаетъ, что всѣ эти періоды исторической жизни чрезвычайно разнообразны по своему духовному развитію и складу жизни, а слѣдовательно и по своимъ потребностямъ? Они представляютъ собою длинную цѣпь, которая начинается людьми простыми, чуждыми развитыхъ формъ общественной жизни и заканчивается цивилизованнымъ, развитымъ представителемъ XIX вѣка. Впрочемъ невѣріе проповѣдуетъ, что для современнаго общества евангельскія начала нравственности, сопряженной съ трудной борьбою противъ грѣха, и противной нечестнымъ стремленіямъ невозрожденной природы, — значительно уже устарѣли, — что общества достигли той степени развитія, когда могутъ устроить свое благоденствіе на началахъ нравственности рациональной, естественной, въ которой нѣтъ уже борьбы, но есть побѣда разума надъ всѣмъ противуестественнымъ. Но если сравнить эти начала разумной нравственности, основанной на эгоизмѣ и расчетѣ, съ началами нравственности евангельской, гдѣ все дышетъ безкорыстіемъ и самоотверженною любовію, и воплотить ихъ въ жизни

народовъ, то какою блѣдною, сухою и просто безпорядочною окажется эта естественная нравственность! И окажется, что эта нравственность будетъ свидѣтельствовать не о побѣдѣ разума надъ всѣмъ противуестественнымъ, а объ его поработаніи нашимъ дурнымъ привычкамъ и наклонностямъ, которыя такъ сжились съ нами, что мы считаемъ ихъ уже и естественными и разумными...

Если такимъ образомъ свящ. книги Новаго Завѣта по своимъ нравственнымъ началамъ пригодны для всѣхъ временъ, то не менѣе онѣ могутъ имѣть приложеніе и для всѣхъ народовъ. Родъ человѣческой, представляя изъ себя одно великое семейство, дробится въ то же время на множество болѣе частныхъ семействъ, извѣстныхъ подъ именемъ того или другаго народа. Соединенный существенными сторонами своей природы со всѣмъ человечествомъ, каждый народъ, кромѣ этихъ общихъ человѣческихъ чертъ, имѣетъ свой особенный, національный типъ, то есть извѣстный складъ ума и извѣстное направленіе воли, которая стремится къ осуществленію болѣе или менѣе частныхъ цѣлей. Смотри съ этой точки зрѣнія на нравственное развитіе человѣка, совершающееся подъ руководствомъ извѣстныхъ законовъ, мы должны сказать, что не было и нѣтъ такого гениальнаго ума, который бы создалъ нравственную систему, пригодную для всѣхъ народовъ. Какъ бы ни былъ высокъ гений мыслителя—законодателя, онъ никогда не можетъ возвыситься до той сте-

пени, чтобы обнять собою идею цѣлаго человечества; напротивъ, по своей ограниченности, всегда болѣе или менѣе запечатлѣвается народнымъ, или даже личнымъ характеромъ. По этому произведенію умовъ геніальныхъ могутъ быть пригодны только для одного извѣстнаго народа. Какъ ни мудры, на примѣръ, были законы Солона, но они годились не для кого другаго, какъ только для Аѳинянъ, равно какъ законодательство Ликурга имѣло свое приложеніе только къ жизни Спартанцевъ... И въ настоящее время то, что произведено геніемъ нѣмца, или француза, то въ жизни и пригодно только для нѣмца или француза, но не годится—для русскаго, потому что у него свой нравственный типъ, свой особенный складъ жизни. Эта послѣдняя мысль подтверждается горькимъ опытомъ, который у насъ передъ глазами... Но то ли представляютъ намъ начала евангельской нравственности? Книги Новаго Завѣта выходятъ изъ этой тѣсной среды, свойственной человеческимъ произведеніямъ. Въ приложеніи къ жизни народовъ, они имѣютъ значеніе всеобщее. Иудей и житель малой азій, грекъ и славянинъ, литовецъ и житель холодной Сибири,—каждый могъ и можетъ созидать свое благополучіе на началахъ Евангелія, безъ ущерба своей народности. Причина этой всеобщности евангельскихъ началъ заключается въ томъ, что Евангеліе имѣетъ въ виду вѣчныя, существенныя и всеобщія потребности народовъ, и по этому—то никогда не стѣсняетъ

національнихъ особенностей, а только возвышаетъ и просвѣтляетъ оныя, указуя народнымъ стремленіямъ болѣе высокую цѣль^{а)}. Новозавѣтное ученіе не предписываетъ тѣхъ или другихъ формъ общественной и домашней жизни, но свободно относится ко всѣмъ существующимъ, выработаннымъ уже формамъ, стараясь только влить въ эти формы духъ и жизнь; глаголы, которые передаетъ намъ Евангеліе, для всѣхъ одинаково суть *духъ и животъ* (Іоан. VI, 63). Для примѣра укажемъ на рабство, какъ на укоренившуюся форму древней жизни, — совершенно противную всеобщей идеѣ взаимнаго братства. Новозавѣтное ученіе не возбуждаетъ и не вооружаетъ никого противъ этой формы жизни, но поставляетъ господъ и рабовъ въ такія отношенія, которыя совмѣстны съ братствомъ (Ефес. VI, 5—9; Колос. III, 22—24; IV, 1. и мн. др.). Но не только племена и общества, но даже и отдѣльныя лица, различныя по своему внѣшнему положенію въ обществѣ, по степени нравственнаго развитія, по тому или другому душевному настроенію, могутъ находить въ новозавѣтныхъ книгахъ Свящ. Пи-

а) Въ ослабленіе высказанной нами мысли намъ не имѣютъ права указывать здѣсь на то кровавое подавленіе народностей, которое происходило въ католическомъ мірѣ во имя евангельскихъ началъ. Измѣрять евангельское ученіе мѣрою католическихъ воззрѣній — слишкомъ большая ошибка. Мы знаемъ, какой узкій, односторонній и чисто внѣшній взглядъ на евангельское ученіе господствуетъ въ послѣдователяхъ папизма.

санія свойственную для своего сердца пищу и сообразныя съ своимъ положеніемъ нравственныя правила. Евангельская нравственность никогда не стѣсняетъ природнаго характера, а только возвышаетъ и просвѣтляетъ оный. Человѣкъ пылкій и разсудительный, быстрый и медленный найдетъ въ св. Евангеліи сообразныя съ своей природой правила, каждый найдетъ въ немъ свой идеаль, который долженъ быть осуществленъ въ его жизни. Итакъ Евангеліе—это кодексъ нравственныхъ началъ для всѣхъ людей безъ исключенія.

Эта вѣчность, эта всеобщность началъ жизни, которыя заключаются въ Свящ. Писаніи Новаго Завѣта, не составляетъ ли непоколебимаго основанія нашей вѣры въ его богодухновенность? Припомнимъ здѣсь мудрое изреченіе одного израильянина объ ученіи апостольскомъ: *аще отъ человекъ дѣло сіе* (проповѣдь апостоловъ), *говоришь онъ іудейскому сонмищу,—то оно разорится* (падетъ само собою); *аще ли же отъ Бога есть, не можете разрушити то* (Дѣяній V, 38, 39). Приложивъ это изреченіе къ исторіи Церкви, мы необходимо придемъ къ слѣдующему выводу: если ученіе Евангелія въ теченіе тысячелѣтій не потеряло своего значенія въ жизни народовъ (не разорилось), не смотря на то, что оно имѣло постоянныхъ и жесточайшихъ враговъ; то значитъ—оно отъ Бога, т. е. богодухновенно.

Здѣсь могутъ предложить намъ слѣдующій вопросъ: если книги Свящ. Писанія Новаго Завѣ-

та такъ глубоки по своему содержанію, что цѣлыя вѣка не въ состояніи были исчерпать ихъ глубину; то какъ могутъ быть доступны истины и правила ихъ каждому частному человѣку и притомъ человѣку, лишенному научнаго образованія? Какъ могутъ они быть началомъ для его дѣятельности и удовлетворять его духовнымъ потребностямъ? Вопросъ этотъ разрѣшается изслѣдованіемъ внѣшняго характера новозавѣтныхъ книгъ. Священное Писаніе Новаго Завѣта, богатое и неисчерпаемое по своему содержанію, несравненно проще самыхъ простыхъ системъ человѣческихъ. Ученѣйшіе люди, —наслѣдники вѣковыхъ трудовъ, не могутъ исчерпать и постичь его, и въ то же время смиреннѣйшіе изъ смертныхъ, —младенцы по уму, дѣлаются премудрыми и усвояютъ истины, въ немъ содержащіяся. По этому древніе учителя Церкви имѣли полное право сказать, что въ христіанствѣ дѣти знаютъ больше самыхъ мудрецовъ языческихъ. И каждый вѣрующій, въ порывѣ священнаго восторга, можетъ повторять божественныя слова Спасителя: *Исповѣдаются Отче, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси сія отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ* (Матѹ. XI, 25)! Причина этой общепонятности Евангелія, при всей его глубинѣ, заключается во внѣшнемъ характерѣ тѣхъ истинъ, которыя въ немъ содержатся. Именно: истины Евангелія имѣютъ характеръ положительный, и по этому въ существенныхъ своихъ чертахъ мо-

гутъ быть легко усвояемы нами. Напримѣръ, всякій можетъ усвоить ту истину, что Сынъ Божій своими страданіями спасъ насъ отъ грѣха, тогда какъ эта истина составляетъ глубину премудрости и разума Божія. Точно также не трудно понять смыслъ тѣхъ или другихъ предписаній евангельской нравственности, тогда какъ обнять всецѣло идею нравственности съ ея безконечными оттѣнками—дѣло выше человѣческаго ума. Здѣсь мы можемъ присовокупить то, что въ этомъ соединеніи глубины съ простотою заключается новый признакъ богодухновенности Новаго Завѣта. Въ самомъ дѣлѣ, общее свойство всѣхъ человѣческихъ произведеній таково, что чѣмъ глубже какое либо произведеніе по своему содержанію, тѣмъ оно труднѣе для пониманія по своему изложенію, тѣмъ оно и менѣе доступно для людей, не посвященныхъ въ таинства науки. И это очень естественно. Изысканія о какой либо истинѣ, изысканія, строяемыя на началахъ ума, всегда сопровождаются глубокимъ размышленіемъ,—рядомъ самыхъ разностороннихъ и часто искусственныхъ выводовъ и доказательствъ. Очевидно, что эти философскіе приемы служатъ въ ущербъ ясности мысли и затрудняютъ пониманіе истины. Совсѣмъ не то въ свящ. книгахъ Новаго Завѣта. При глубинѣ и обилии мыслей—въ нихъ нѣтъ искусственныхъ доказательствъ, «Истинно, истинно говорю вамъ»,—вотъ самое сильное доказательство, повторяемое въ евангеліи предъ истинами важнѣй-

шими и неудобопріемлемыми. Причина этой противоположности между человѣческими произведеніями и свящ. книгами Новаго Завѣта заключается въ томъ, что въ первыхъ, по самому свойству нашего ограниченнаго ума, истина пріобрѣтается трудомъ усидчивыхъ изысканій, а въ последнемъ она созерцается непосредственно, — ясный знакъ, что въ немъ говоритъ сама высочайшая истина, — Духъ Святой.

(Продолженіе будетъ.)

II) Патріотическое движеніе въ Ухтымскомъ приходѣ глазовскаго уѣзда.

Не безынтересно, я думаю, будетъ для читателей В. Е. Вѣдомостей узнать, какимъ образомъ проявляется иногда и въ простодушныхъ, и, по видимому, холодныхъ и апатичныхъ мужичкахъ нашихъ патріотическое чувство къ православной Руси и къ августѣйшему Монарху ея. Я былъ свидѣтелемъ одного изъ подобныхъ случаевъ 27 мая настоящаго года, и тронутый имъ самъ до глубины души, рѣшился о видѣнномъ мною сообщить редакціи въ той мысли, не сочтетъ ли она нужнымъ довести объ этомъ до общаго свѣдѣнія.

По смежности нашего Ухтымскаго прихода съ слободскимъ уѣздомъ, по недалекому разстоянію отъ насъ самаго города Слободскаго и по частовременнымъ торговымъ сношеніямъ нашихъ прихожанъ съ этимъ городомъ и уѣздомъ, разнеслась между крестьянами нашими, первоначально

будто бы оттуда, вѣсть, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слободскаго уѣзда, по случаю мятежа въ Польшѣ, составляются всеподданныѣйшія письма ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, съ изъявленіемъ вѣрноподданныческихъ чувствъ. Вѣсть эта сильно заинтересовала нашихъ поселянъ, хотя сначала и не совсѣмъ ясна была для нихъ. Но для уясненія себѣ—въ чемъ дѣло, крестьяне стали не рѣдко спрашивать кого либо изъ насъ—священниковъ, или обращались за этимъ иногда и въ волостное правленіе. Особенно много и часто спрашивали меня прихожане мои, когда, между 19 и 25 числами мая, въ дни Троицкой недѣли, я навѣщалъ ихъ деревни со св. иконами для исправленія молебновъ на поляхъ и въ домахъ ихъ. Я старался, какъ умѣлъ и могъ, передать и уяснить имъ дѣло, какъ оно есть; толковалъ имъ между прочимъ, въ чемъ состоятъ составляемыя нынѣ по всюду вѣрноподданныческія письма ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, равно и то, по какому поводу составляются они. Впрочемъ рассказывая имъ объ этомъ, я не имѣлъ намѣренія возбудить ихъ къ составленію такого же письма, а желалъ только удовлетворить ихъ любопытству, исправить ихъ разсужденія и уничтожить нѣкоторыя толки молвы.

Не высказывая своихъ намѣреній, поселяне наши внимательно слушали все это, и, одобряя составленіе писемъ, изрѣдка иногда замѣчали: «что если бы и имъ какъ нибудь написать Батюшкѣ ГОСУДАРЮ такую же грамотку!»—Эта готов-

ность ихъ къ составленію всеподданнѣйшаго письма стала между тѣмъ извѣстна и волостному правленію, которое и поспѣшило уполномочить себя на это дѣло одобреніемъ со стороны г. окружнаго начальника, какъ разъ 19 мая посѣщавшаго волостное правленіе.—Между тѣмъ болѣе любопытные изъ крестьянъ не переставали, и послѣ окончанія хода моего съ св. иконами, заходить ко мнѣ, и спрашивать меня о томъ же, чѣмъ заняты были ихъ думы, и о чемъ говорилъ я съ ними въ домахъ ихъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, зная, что я «получаю изъ самаго Питера какую-то газету,»—просили меня даже прочитатъ имъ,—«не пишетъ-ли-де чего объ этомъ *питенбургская* «газета?»—Удовлетворяя и эту ихъ просьбу, я съ своей стороны съ удовольствіемъ читалъ имъ нѣсколько всеподданнѣйшихъ писемъ изъ—«Сына Отечества,»—поднесенныхъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ то отъ дворянства, то отъ городскихъ обществъ разныхъ губерній; перечислялъ имъ потомъ самыя приходы и волостныя общества, въ которыхъ были составлены и поданы подобныя же письма.—Особенно много приходило ко мнѣ крестьянъ въ 26 число и утромъ вышеозначеннаго 27 числа. Что много людей перебивало у меня 26 числа,—это еще меня не удивляло, потому что это было—въ воскресенье, когда у насъ всегда весьма много собирается народу въ церковь; но когда крестьяне начали ко мнѣ приходять утромъ 27 числа, то я, удовлетворяя ихъ любопыт-

ству невольно долженъ былъ спросить ихъ: куда же и за чѣмъ идетъ васъ такъ много?—Не высказываясь окончательно,—они объясняли мнѣ, что собираются въ волостное правленіе для того, чтобы записаться на право полученія сѣмянъ изъ запасныхъ магазиновъ для посѣвовъ.

Но вотъ около 4-хъ ч. по полудни за мною пріѣзжаетъ нарочно-посланный изъ волостнаго правленія и объявляетъ мнѣ, что и в. начальники, и поселяне просятъ меня сейчасъ же пріѣхать туда. Я немедленно отправился; по пріѣздѣ моемъ въ правленіе, писарь объяснилъ мнѣ, что поселяне требуютъ, чтобы и отъ нихъ было написано в. начальствомъ письмо родимому Батюшкѣ ГОСУДАРЮ, съ изъявленіемъ ихъ готовности, въ случаѣ нужды, итти за НЕГО поголовно. При этомъ ихъ усердіи, и съ этими чувствами они всѣ желаютъ сейчасъ же вмѣстѣ помолиться за ЦАРЯ, и исправить молебень;—для этого и пригласили меня.—Когда явился я предъ собраніемъ на балконъ волостнаго правленія, народъ снова, какъ и до прибытія моего, зашумѣлъ. Слышно было въ шуму этомъ имя ГОСУДАРЯ, съ прибавленіемъ къ нему словъ—«батюшка,» или—«кормилецъ,» да еще: «всѣми семьями рады, всѣми домами готовы.» Минуть пять продолжался шумъ, пока собраніе успокоилось, и—мнѣ можно было самому услышать, чего хочетъ народъ. Когда волненіе это стихло, крестьяне, попросивъ меня сойти съ балкона въ ряды къ нимъ, снова объявили мнѣ и в. началь-

никамъ, что и они—(крестьяне),—какъ и всѣ другіе, по вѣрноподданнической преданности ихъ Батюшкѣ ЦАРЮ, готовы жертвовать за НЕГО, въ случаѣ нужды, и жизнью и достояніемъ. И потому усердно просятъ начальниковъ своихъ, чтобы объ этой ихъ готовности было непременно доведено до личнаго свѣдѣнія царскаго; а теперь, въ знакъ искренности своихъ чувствъ къ МОНАРХУ, желаютъ немедленно—исправить молебень и помолиться за здравіе Батюшки и кормильца—ГОСУДАРЯ.

Пока я распорядился послать за діакономъ и причетникомъ, кто-то въ толпѣ, не въ дали отъ меня проговорилъ, что онъ сегодня долго смотрѣлъ и любовался въ правленіи, какъ на живаго, на портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Вдругъ послѣ сего, почти въ одно мгновеніе, все собраніе снова взнолновалось, и всѣ до одного зашумѣли и закричали, чтобы сейчасъ же вынесли къ нимъ царскій портретъ. Начальники правленія предлагали было оставить это требованіе, а, если кому изъ нихъ угодно посмотрѣть на него, зашли бы въ присутствіе. Поселяне рѣшительно настояли на томъ, чтобы портретъ былъ вынесенъ. Когда желаніе ихъ было исполнено, и портретъ былъ показанъ, то энтузіазмъ ихъ не зналъ предѣловъ. Эта торжественная и умилительная минута, выше моего описанія.—Поднимая портретъ на рукахъ, и передавая его другъ другу надъ головами своими,—обращаясь къ нему, какъ бы къ

живому,—поселяне всѣ снова, кто какъ умѣлъ, кто какъ могъ, высказывали передъ нимъ и свои вѣрноподданническія чувства и свою готовность за ЦАРЯ идти въ огонь и въ воду, и не дорожить—ни жизнью, ни достояніемъ своимъ. Нѣтъ словъ—выразить, какая высказывалась ими искренняя, горячая любовь къ ЦАРЮ своему, какая живая довѣренность къ Нему, и какое безусловное упованіе въ Немъ одномъ всего лучшаго...

Но вотъ поставленъ столъ; на немъ положено св. Евангеліе и животворящій крестъ. Волненіе въ народѣ стало утихать; но, и на время исправленія молебна, крестьяне никакъ не хотѣли разстаться съ портретомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Они просили меня и в. начальниковъ, чтобы онъ находился близъ стола, гдѣ имѣетъ совершиться самое молебствіе. «Пусть—де—ОНЪ—родимый Батюшка нашъ—хотя *портретомъ*—то поглядить на насъ, какъ мы будемъ молиться за ЕГО «здоровье, и цѣловать для НЕГО, Евангеліе и «крестъ.»—Для этого по правую сторону стола былъ поставленъ стулъ, и на немъ, по желанію ихъ, помѣщенъ дорогой портретъ—ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Послѣ этого окончательно все стихло.—Началось служеніе молебна Спасителю и Божіей Матери. Когда послѣ стиха: *Богъ Господь и явися намъ, пѣвецъ запѣлъ: Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояніе твое, победы благовѣрному ИМПЕРАТОРУ на тѣмъ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ на сопротивныхъ*

даря,—все собраніе, какъ одинъ человекъ, молитвенно простерлось на землѣ. Съ такимъ же единодушіемъ колѣнопреклонились, когда въ концѣ молебна, послѣ трисвятаго, снова пропѣтъ былъ тотъ же тропарь животворящему кресту. При осѣненіи крестомъ, во время отпуска, всѣ молящіеся встали и смотрѣли на это побѣдное знаменіе Вѣры нашей какимъ-то особеннымъ, самымъ свѣтлымъ взглядомъ, полнымъ благоговѣнія и упованія. Наконецъ, когда діаконъ сталъ возглашать *многолѣтіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ*, молитвенно испрашивая ЕМУ у Господа *благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе*,—все собраніе опять начало усердно молиться, приговаривая не громко, во время пѣнія: *много лѣтъ*: «много лѣтъ ЕМУ—Батюшкѣ, много лѣтъ ЕМУ, кормильцу нашему.» Послѣ этого всѣ цѣловали крестъ и св. Евангеніе. Такъ совершилось желанное поселянами нашими единодушное ихъ моленіе за ЦАРЯ! Но, и по окончаніи его, молитвенное настроеніе духа ясно отражалось на лицѣ cadaго молившагося, и само собою располагало, если бы можно было, еще и еще надолго продолжать эту св. молитву, неизъяснимо сладкую для сердца!... И правду сказать, много разъ доводилось мнѣ по разнымъ случаямъ исправлять молебны общественныя, но такого усерднаго, единодушнаго, горячаго моленія я еще доселѣ не встрѣчалъ и не замѣчалъ. По моему мнѣ-

нію, будь бы здѣсь свидѣтелемъ этой молитвы какойнибудь, хотя бы самый разсѣянный, или отъявленный вольнодумецъ, и онъ непременно умилился бы въ сердцѣ, и тутъ же почувствовалъ призывъ къ молитвѣ...

Послѣ цѣлованія креста, по окончаніи молебна, тихо и спокойно отнесенъ былъ на свое мѣсто портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и собраніе народа, принявъ отъ меня благословеніе и поблагодаривъ меня и весь причтъ за исправленіе молебна, проводило насъ съ миромъ во свояси.

И такъ не одни люди образованные умѣютъ торжественно высказывать свои патріотическія чувства къ ЦАРЮ и Отечеству,—а вотъ и нашъ простой поселянинъ, одушевленный тѣми же чувствами, умѣетъ по своему и не менѣе торжественно высказывать ихъ, такъ что нельзя не порадоваться за него. А когда представишь себѣ, что эти же чувства одушевляютъ весь народъ русскій; то отрадно, не изъяснимо—отрадно, становится на душѣ за все родное наше православное Отечество. Увѣряешься, что никакія казни, никакая зависть, никакіе враги—ни тайные, ни явные, ни внѣшніе, ни внутренніе, не сильны потрясти его до основанія. Осѣнивъ себя крестомъ, народъ русскій смѣло станетъ за ЦАРЯ и Русь свою, вынесетъ, какую угодно, борьбу на своихъ богатырскихъ плечахъ, и потомъ, подъ сѣнію своего завѣтнаго единодержавія, пойдетъ опять спокойнымъ, хотя и не скорымъ, шагомъ впередъ и вле-

редь... А что сказать о молитвѣ, этой горячей, единодушной молитвѣ всего народа русскаго, проникнутой любовію къ ЦАРЮ и Отечеству, — развѣ она не значить ничего у Бога, развѣ она бесплодна для Россіи?... Если двое, или трое молящихся привлекаютъ къ себѣ не только благоволеніе и милость Божію, но и Самаго Подателя всѣхъ благъ, то ужели—не сильна молитва цѣлаго народа русскаго, народа православнаго, одушевленнаго любовію самоотверженною, безкорыстною, крѣпкою, какъ смерть?... О! эта молитва любви и отъ любви безъ сомнѣнія, будетъ принята безпредѣльною божественною любовію, и привлечетъ всю полноту ея на любезное Отечество наше! Не за эту—ли любовь народа къ ЦАРЮ, и не за эту—ли его молитву любви за ЦАРЯ съ нами русскими и былъ всегда Богъ? Но Онъ и будетъ съ нами до толѣ, пока не угаснетъ эта св. любовь на Руси. *Съ нами Богъ! разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!*

Священникъ Василій Чегодановъ.

III) Письмо А. Гетэ

НАШЕМУ РУССКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ.

Когда я писалъ приведенныя выше слова, (*) я имѣлъ прихоть, въ которомъ выбралъ человека, очень приличнаго для того, чтобы онъ помогалъ мнѣ, при отправленіи церковныхъ службъ; тѣмъ не менѣе я всегда признавалъ худыя послѣдствія отъ допущенія мірскаго элемента къ участию въ

(*) См. № 11 В. Е. В.

богослуженіи, и судилъ объ этомъ особенно по огромному большинству приходовъ, гдѣ злоупотребленія выказывались во всемъ своемъ безобразіи. Я проходилъ семнадцать лѣтъ церковную службу, сначала на родинѣ, потомъ въ Парижѣ, въ званіи викарія, священника и милостынораздавателя; вездѣ я видѣлъ тѣже злоупотребленія, и болѣе и болѣе утверждался въ своемъ мнѣніи, высказанномъ мною 1847 г. въ первомъ моемъ печатномъ сочиненіи.—Могу васъ увѣрить, любезный и почтенный корреспондентъ, что уничтоженіе діаконствъ и нисшихъ клириковъ было истиннымъ бичемъ для западной церкви. Я думаю, что тоже случилось бы и съ Церковію русской. Было бы и не экономно замѣнить клириковъ мірянами, ибо этимъ послѣднимъ надобно платить гораздо дороже, чтобы выбрать изъ нихъ сколько нибудь способныхъ.

И почему бы въ вашемъ отечествѣ, котораго назначеніе въ исторіи человѣчества такъ важно, не воспользоваться этими діаконами и клириками, которые уже есть въ каждомъ приходѣ, для первоначальнаго обученія? Если многіе изъ нихъ не довольно развиты, то есть между ними и много другихъ, достаточно образованныхъ, для этого дѣла. Притомъ же вдругъ ни въ чемъ нельзя достигнуть совершенства; прежде чѣмъ приблизиться къ нему, необходимо *начать и усовершенствоваться*. Не думаете ли, что всѣ наши наставники во Франціи—фениксы. Увы! много поднимаютъ шуму о развитіи первоначальнаго образованія у насъ, а между тѣмъ не только большая часть народа не образована, но и весьма многіе наставники должны были бы записаться въ ученики. Я часто размышлялъ о тѣхъ могущественныхъ и полезныхъ элементахъ, которыми владѣетъ ваша Церковь въ

лицѣ своихъ діаконѣвъ и клириковѣвъ, равно какѣ и женѣ священниковѣвъ и клириковѣвъ. Было бы весьма легко замѣнить этими элементами всѣ учебныя, благотворительныя, мужскія и женскія конгрегаціи, расплодившіяся на западѣ, которыя ослѣпляютъ поверхностныхъ и простодушныхъ людей, довольствующихся прекрасными словами и прекрасною наружностію, но которыя, въ сущности, по большей части исполнены скрытыхъ пороковѣвъ, духовныхъ слабостей, корыстолюбія, и которыя производятъ въ Церкви смуты.

Какое величественное зрѣлище представляла бы ваша Церковь, съ своими наставниками и наставницами, іерархически подчиненными высшему наблюдению правительства и епископской власти, — съ своими истинно благочестивыми женщинами, разсѣянными по всѣмъ приходамъ и разносящими всѣмъ больнымъ помощь и утѣшеніе! Сколько вдовѣвъ или дочерей священниковѣвъ, воспитанныхъ въ благочестіи, могли бы быть съ пользою употреблены для служенія въ больницахъ. Французскія монахини по большей части — изъ рабочаго класса, безъ воспитанія, безъ образованія даже религіознаго; онѣ не имѣютъ ни благородства духа, которое дается истинно — христіанскимъ чувствомъ, ни любви, проистекающей изъ него. Вы, можетъ быть, судите о нихъ только по нѣкоторымъ изъ нихъ, или по пышнымъ рассказамъ извѣстныхъ публикацій. Люди опытные знаютъ, какъ понимать это. Что касается до меня, то я, имѣя постоянныя сношенія съ различными общинами, могу сказать, что знаю этихъ монахинѣвъ, и я утверждаю, что Церковь русская, употребивши для благихъ своихъ цѣлей женѣвъ и дочерей священниковѣвъ и клириковѣвъ, въ нѣсколько лѣтъ имѣла — бы у себя учрежденіе, гораздо высшее всѣхъ западныхъ общинѣвъ.

У васъ вовсе нѣтъ такой антипатіи къ духовенству, какая господствуетъ на западѣ. Извѣстно, что оно—другъ своего народа, и не только не препятствуетъ развитію и прогрессу его учреждений, но еще способствуетъ къ тому. Вы можете по этому сдѣлать то, что не возможно у насъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ультрамонтизмъ съ своими отсталыми и фанатическими системами удесятирилъ нерасположеніе къ нашему духовенству. Оно было слишкомъ богато до 1789 года; оно имѣло слишкомъ много привилегій, чтобы не возбудить къ себѣ народной антипатіи. Съ тѣхъ поръ оно питало слишкомъ глубокую злобу противъ народнаго движенія, которое лишило его принадлежавшихъ ему богатствъ, и притомъ, по причинѣ безбрачія, оно составляетъ слишкомъ изолированную касту, чтобы имѣть возможность пріобрѣсть когда нибудь довѣріе народныхъ массъ. Ваше духовенство—не каста. Оно сближается съ обществомъ посредствомъ браковъ; его дѣти могутъ поступать на разныя поприща дѣятельности; другіе классы общества также могутъ доставлять ему членовъ: оно живетъ народною жизнью; его мысли, его желанія суть желанія народа. Какое счастливое положеніе! какъ много великаго можно сдѣлать съ этими средствами.

Франція расточала и расточаетъ огромныя суммы, чтобы достигнуть какого-нибудь добраго результата отъ своего духовенства и своихъ конгрегацій, и она почти ничего не достигаетъ, кромѣ религіознаго индифферентизма, проникающаго все глубже и глубже въ жизнь народа. Съ суммами сравнительно гораздо меньшими, Россія на вѣрное могла-бы достигнуть всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ тщетно ищетъ Франція.

Я могъ бы сообщить вамъ, любезный коррес-

пондентъ, тысячи подробностей относительно тѣхъ предметовъ, которымъ я сдѣлалъ только легкій очеркъ, но это можетъ быть не представить для васъ большаго интереса. Я выполнилъ свое обѣщаніе и оканчиваю это письмо, моля Бога, чтобы Церковь русская улучшила превосходныя учрежденія, которыми она обладаетъ, но чтобы она не измѣняла ихъ, ибо послѣ она потерпѣла—бы отъ того великій ущербъ. Прогрессъ—прекрасная вещь, но для того, чтобы идти путемъ прогресса, не необходимо измѣнять то, что радикально хорошо; достаточно отмѣнить только то, что худо, и воспользоваться всѣми элементами добра. Эти постепенныя улучшенія и составляютъ истинный *прогрессъ*. Я не могу видѣть прогресса въ этихъ переворотахъ, которые производятся въ обществахъ различными партіями. При постепенныхъ улучшеніяхъ становятся невозможными эти движенія всегда столь страшныя, и вообще столь пагубныя.

Примите и проч.

Аббатъ Гетэ.

L'union chrétienne. 1863 г. № 29.

(Перев. Вас. Романовъ.)

IV) БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Иерархія вятской епархіи, составленная ректоромъ вятскаго духовнаго училища протоіереемъ Герасимомъ Никитниковымъ 1863 года. Вятка, въ типографіи К. Блинова. (Стр. 1—VIII; 1—214.

Книжка эта явилась въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ іюня текущаго года.—Мы увѣрены, что всѣ, интересующіеся исторіею вятской епархіи, прочтутъ ее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ мы сами читали ее.—Конечно, разработка

матеріаловъ, которые должны разъяснить намъ исторію вятской епархіи и вятскаго края вообще, только еще начинается; и при нынѣшнемъ состояніи этого дѣла едвали возможно составить вполне удовлетворительную монографію вятской іерархіи.—При всемъ томъ трудъ о. протоіерея Никитникова заслуживаетъ полнаго вниманія вятской публики: въ немъ она найдетъ въ стройномъ и отчетливомъ изложеніи—все то, что автору можно было собрать и открыть по предмету его изслѣдованій.—

Предоставляя себѣ—въ послѣдствіи еще обратиться къ этому сочиненію и ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей, на сей разъ мы ограничиваемся однимъ извѣщеніемъ о выходѣ онаго въ свѣтъ.—

Цѣна книжки, изданной весьма опрятно, умеренная—1 р. сер., безъ пересылки. Книжку можно купить у самого автора, вятскаго воскресенскаго протоіерея Г. А. Никитникова.

Вятскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 16 числъ. Цѣна годовому изданію для получающихъ оныя въ самой редакціи 4 р., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ въ конвертахъ, наглухо заклеенныхъ, или съ пересылкою въ другія мѣста—5 рублей. Подписка принимается въ редакціи сихъ Вѣдомостей, при Вятской Духовной Консисторіи.

Дозволено цензурою 22 іюня 1863 года.

Вятка. Въ типографіи К. Блинова.